

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАЛЬЧИШЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

**Сборник материалов
международной научной конференции
(17–18 ноября 2016 года)**

Под редакцией Е.Б. Хитрук

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

УДК 141.7
ББК 60.52
М21

М21 Мальчишество как социокультурный феномен :
сборник материалов международной научной конференции
(17–18 ноября 2016 года) / под ред. Е.Б. Хитрук. – Томск :
Издательский Дом Томского государственного университета,
2017. – 36 с.

Данное издание представляет собой сборник материалов международной научной конференции, прошедшей на базе философского факультета Томского государственного университета при поддержке ТРОО «Общество научно-исследовательской и социально-психологической поддержки мальчиков, юношей и мужчин» 17–18 ноября 2016 года.

УДК 141.7
ББК 60.52

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хитрук Е.Б.</i> «Я не могу себе этого позволить!»: система табу в современной мальчишеской культуре	4
<i>Большаков А.В.</i> Особенности воспитания казака: прошлое и настоящее	11
<i>Дерр А.А.</i> Образ мальчишества в классической и современной отечественной литературе	18
<i>Вольнов М.В.</i> Оказание психологической помощи несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации	25
<i>Ромахин С.В.</i> Влияние моды на «настоящего мужчину»	32

«Я НЕ МОГУ СЕБЕ ЭТОГО ПОЗВОЛИТЬ!»: СИСТЕМА ТАБУ В СОВРЕМЕННОЙ МАЛЬЧИШЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Екатерина Борисовна Хитрук

Кандидат философских наук, доцент, председатель ТРОО
«Общество научно-исследовательской и социально-психологической
поддержки мальчиков, юношей и мужчин»

В данном исследовании феномен мальчишества рассматривается в социокультурном контексте. Общая тенденция социальных наук сегодня заключается в экспликации приоритета культурных и социальных истоков общественных проблем по отношению к природным и эссенциальным определениям. Как пишет известный американский исследователь «мужского вопроса» Дэвид Гилмор, «...ответ на загадку возмужания должен лежать в сфере культуры: мы должны понять, почему культура преувеличивает биологические различия, и притом определенным образом» [1. С. 32]. Таким образом, необходимо наряду с традиционным представлением о мальчишестве как определенном периоде физиологического взросления индивида мужского пола, попытаться «увидеть» мальчишество как некий социокультурный феномен, сквозь призму установок современной культуры, учитывая специфические особенности мужской социализации.

Обращение к социокультурному контексту феномена «мальчишество» связано с некоторыми тревожными вопросами, остро представленными в современном обществе и обнажающими необходимость пристального внимания как к уникальной мальчишеской ситуации, так и к представлениям о мужественности, на которых эта ситуация базируется.

Как минимум три вопроса современной мальчишеской культуры требуют от представителей социальных исследований особенного отношения и признания в их основе специфически «мужского» аспекта.

Вопрос № 1. «Подростковая» преступность.

Термин «подростковая» умышленно употребляется в кавычках, чтобы подчеркнуть традиционно «бесполой» характер дискурса о несовершен-

нолетних преступников. В сравнении с разного рода экономическими, семейными, возрастными и иными факторами социального неблагополучия несовершеннолетних преступников, гендерный аспект рассматривается в качестве значимого базиса картины подростковой преступности чрезвычайно редко. В то же время соотношение долей девочек (девушек) и мальчиков (юношей) – участников преступлений стабильно и в гендерном отношении крайне красноречиво. Так, например, в последние годы принято говорить о, так называемой, «тенденция феминизации подростковой преступности» [6]. Имеется в виду некоторый скачок в показателях «девичей» доли среди малолетних преступников с традиционных 8 до 12%.

Ни в коем случае не призывая игнорировать сложный характер и причины «девичей» преступности, необходимо подчеркнуть, что на самом пике данной «феминизации» (12%) доля мальчишеской (юношеской) преступности остается на уровне 88%. И это значение на данный момент считается минимальным. Таким образом, учитывая, что подавляющее большинство малолетних преступников мужского пола, а также то, что среди преступлений несовершеннолетних «значительна доля тяжких и особо тяжких преступлений (22–30%)» [6], отсутствие внимательного изучения гендерного аспекта, так называемой, «подростковой» преступности вызывает, по истине, глубокое удивление.

Вопрос № 2. Суицид.

Следующая проблема, гендерному аспекту которой уделяется неоправданно мало внимания – проблема суицида. Безусловно, суицид является одной из серьезнейших общечеловеческих проблем. Так, например, согласно информационному бюллетеню Всемирной организации здравоохранения (сентябрь 2016 г.) «ежегодно более 800 000 человек лишают себя жизни, а значительно большее число людей совершают попытки самоубийства. Каждое самоубийство – это трагедия, которая воздействует на семьи, общины и целые страны, оказывая долгосрочное воздействие на живущих. Самоубийства происходят на протяжении всего жизненного цикла, и в 2012 году они стали второй ведущей причиной смерти среди молодых людей 15–29 лет в глобальных масштабах» [8]. Также согласно ВОЗ, число смертей в результате самоубийств превышает число погибших на войне и в результате насильственной смерти. Каждые 40 с 1 человек на нашей планете добровольно уходит из жизни.

Рассмотрение данного вопроса в гендерном ключе открывает мужской характер проблемы суицида. Число законченных самоубийств среди

мужчин в среднем в 3 раза больше, чем среди женщин [2. С. 13]. С возрастом (65–85 лет) это соотношение существенно увеличивается. Несмотря на явную связь мужских практик и представлений о мужественности со склонностью к суицидальному поведению, о чем можно судить на основании приведенных статистических данных, вопрос о специфических мужских предпосылках этой проблемы по существу в современном научном сообществе не ставится совсем. Рассуждение о глобальном характере проблемы суицида и необходимых методах профилактики суицидального поведения даже в официальном докладе ВОЗ преимущественно рассматривается в контексте вопросов о возрасте, материальном благополучии, доступности орудий самоубийства и т.п., не затрагивая при этом явные гендерные особенности данного вопроса.

Что касается Российской Федерации, общемировые тенденции находят здесь свое полное подтверждение и в стабильном преобладании мужских самоубийств, и в невидимости мужского контекста этой проблемы. По общему числу суицидов Россия занимает шестое место в мире, а по количеству самоубийств среди детей и подростков – первое место в Европе [4. С. 1]. По данным материалов, подготовленных ГНЦССП им. В.П. Сербского, мальчики совершают завершённые суициды в 4–5 раз чаще, чем девочки [5].

Вопрос № 3. Депрессии.

Масштаб депрессий у мальчиков и юношей в настоящее время недооценен по существу. Этот факт связан с разного рода сложностями диагностики депрессивных состояний в мальчишеской среде. Во-первых, очень часто подавленное состояние психики может быть обнаружено на основании специфического поведения (плаксивость, постоянные жалобы) и соответствующих просьб о помощи со стороны пациента. Однако данный тип поведения, предполагающий эмоциональную открытость и обращение за поддержкой, относительно мальчиков и юношей представляется недоступной роскошью, которую в силу специфики воспитания и норм социализации могут себе позволить женщины, но которая в мужской сфере жестко табуирована. Во-вторых, вербализация переживаний и эмоциональных состояний также вследствие специфических норм мужской социализации среди мальчиков значительно затруднена, что выражается в такой проблеме как алекситимия (отсутствие в лексиконе средств для выражения эмоций). Как отмечает профессор гарвардской медицинской школы, доктор Уильям Поллак, «...из всех культурных

ограничений, накладываемых на мальчиков, самым жестоким я считаю запрет на выражение грусти. Это самое распространенное клише: «Большие мальчики не плачут!» «Держись! Забей на это!» И хотя каждый мальчик время от времени грустит, мальчики рано учатся не плакать, не говорить о своей печали и не обращаться к другим за помощью. Мальчишеский кодекс накладывает эти ограничения» [7. С. 396]. Поскольку общество, таким образом, воспитывает в мальчиках разнообразные техники сокрытия своих негативных переживаний, обнаружение действительных эмоциональных проблем в мальчишеской среде становится в высшей степени затруднительным. «Добавьте сюда тот факт, – продолжает У. Поллак, – что мы в принципе не предполагаем, что мальчики могут впадать в депрессию, и то, что даже если мы подозреваем депрессивное состояние у мальчиков, мы часто прибегаем для диагностики к неподходящим методам, которые разработаны для диагностирования депрессий у взрослых женщин – и вы поймете, почему мы так часто теряемся, когда наши сыновья несчастны и часто не можем распознать (или признать) депрессию, когда она случается у подростков-мальчиков» [7. С. 396]. Вследствие указанных причин диагностика депрессивных состояний у мальчиков и юношей должна учитывать специфические факторы мужской социализации в современной культуре. Необходимо иметь в виду то негативное влияние «закалки» или методики последовательного подавления эмоциональности, которое оказывает общество на взрослеющего мужчину. Уильям Поллак предлагает в этой связи существенно пересмотреть список симптомов, сигнализирующих о подавленном эмоциональном состоянии мальчиков, и отнести к таковым те признаки, которые традиционно не связывались с депрессиями. Например, признаками депрессивного состояния могут служить растущая отчужденность в отношениях и проблемы в дружбе, все более частые или интенсивные вспышки ярости, отрицание боли, трудности с учебой, нарочитая придурковатость (мальчик специально стремится быть объектом насмешек), возникший или возобновившийся интерес к алкоголю и наркотикам, радикальное изменение сексуального поведения, более рискованное, чем обычно, поведение, разговоры о смерти, умирании, самоубийстве [7. С. 416–423].

Каждый из рассмотренных вопросов имеет свою специфику и, тем не менее, все они демонстрируют необходимость пристального внимания к гендерному аспекту самых острых социальных проблем. Нельзя более продолжать говорить об абстрактных детях и подростках.

Общество в лице родителей, педагогов, воспитателей, социальных работников и ученых должно, наконец, стать гендерно чувствительным! Благодаря этой чувствительности станет возможным более специализированное, а следовательно, более эффективное «вглядывание» в основные сложности социализации наших мальчиков и девочек. Не потому что мальчики и девочки якобы «диаметрально противоположны от природы», но потому что они находятся в разных ситуациях, общество предъявляет к ним разные требования, оказывает на них давление разной степени и направленности.

Именно в этом ключе развития гендерной чувствительности в обсуждении и разрешении детско-подростковых проблем зарождается в конце XX – начале XXI веков современное междисциплинарное направление в социальных науках – Boyhood studies, классиками которого уже сегодня можно считать Уильяма Поллака, Джеймса Гарбарينو, Элизабет Бадентэр, Дэвида Гилмора, Игоря Кона. Методологически Boyhood studies базируются на более широком направлении исследований – Men's studies и исходят из убеждения в том, что причины многих мальчишеских проблем связаны с закрепленным в обществе традиционным представлением о мужественности. Это представление содержательно базируется на противопоставлении женственности и распределяет необходимые человеческие атрибуты на два типа, приписывая каждый из них соответственно одному из полов. Таким образом, традиционное представление о полах объявляет женскими, а, следовательно, исключает из мужского поля, такие значимые характеристики, как эмоциональность, привязанность, ориентированность на внутри семейную самореализацию, осознание и проговаривание своих чувств, в том числе и негативных (страх, стыд, неуверенность). На этом пути исключения зарождается классический эталон «настоящего мужчины» как эмоционально скованного, физически развитого, бесстрашного и неуязвимо мачо. Данный эталон культивируется и романтизируется в обществе, обретая значение социального императива, обращенного к каждому индивиду мужского пола и требующего от него реализации указанных выше характеристик. В мальчишеской среде данный императив распространяется в виде некоего неписаного набора правил и табу, нацеленных на подчинение мальчиков (будущих мужчин) эталону Настоящей Мужественности. Этот свод жестких требований Уильям Поллак называет «мальчишеским кодексом». «Мальчишеский кодекс» обладает огромным влиянием на мальчишескую среду, конструируя будущих мужчин в соответствии с принятыми нормами маскулинно-

сти, поощряя одни стили поведения и табуируя другие. Главным предметом системы табу в данном случае выступает сфера эмоционального традиционно считающаяся пограничной зоной, разделяющей типично мужские и типично женские качества. «В сфере эмоций мальчики и девочки различаются не столько по своей реактивности, – отмечает Игорь Семенович Кон, – сколько тем, какие именно эмоции у них поощряются, а какие табуируются. У мальчиков культивируются сильные эмоции, связанные с отношениями господства и власти (гнев, любовь к острым ощущениям) и табуируются проявление и осознание слабости, будь то страх, нежность или стыд» [3. С. 307]. Носителями данного кодекса являются как самое близкое окружение мальчиков (родители, воспитатели, учителя), внушающее им императив «крепкого орешка» практически с самых первых дней жизни, так и разного рода продукты культуры, такие, как СМИ, кинофильмы, компьютерные игры и т.п. Будучи воспринят в мальчишеской среде, императив «настоящей мужественности» преломляется в жесткую и безальтернативную систему запретов, продуцирующих общее силовое напряжение в мальчишеских коллективах («слабак!»), запрет на проявление эмоций («тряпка!»), противопоставление девочкам как доказательство мужественности («баба!»), запрет на близость с матерью («маменькин сынок!»). «Я вижу, что мальчики, – пишет Уильям Поллак, – стыдясь своей уязвимости, прячут свои эмоции и, в конечном счете, свое подлинное лицо... Со временем его чувствительность подавляется настолько, что он теряет связь со своим внутренним Я. И тогда мальчик “закаляется”, делается таким, каким общество хочет его видеть» [7. С. 21].

Таким образом, необходимо эксплицировать связь между классическим эталоном мужественности, исключаящим из легитимной сферы мужского осознание и принятие эмоций, и распространяющим свое влияние на мальчишескую и юношескую среду в форме безальтернативных требований и жестких табу, с одной стороны, и «мужским лицом» многих остро стоящих в современности социальных проблем, – с другой. До тех пор, пока наши мальчики, зажатые в тиски гендерных стереотипов не смогут себе позволить быть нежными и чувствительными, говорить о своих эмоциональных проблемах, признавать свои слабости и просить о помощи, вряд ли общество может надеяться на преодоление или хотя бы смягчение тяжелой ситуации в плане мужской преступности, мужских суицидов и мужских депрессий. Основная социальная стратегия на данный момент состоит в том, чтобы попросту не замечать мужской ха-

ракетр этих острых проблем. Ну что ж, результаты этой слепоты, к сожалению, «на лицо»!

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. 264 с.
2. Иванова А.Е., Сабгайда Т.П., Семенова В.Г., Антонова О.И., Никитина С.Ю., Евдокушкина Г.Н., Чернобавский М.В. Смертность российских подростков от самоубийств. М. : БЭСТ-принт, 2011. 133 с.
3. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М. : Время, 2009. 1406 с.
4. Краснопольская И. Линия смерти // Российская газета. 15 марта 2013 г. № 6032. С. 1.
5. О суицидальной ситуации в среде несовершеннолетних // Сайт отдела образования Администрации Мордовского района Тамбовской области. URL: http://mordovoobraz.68edu.ru/index.php/deyatelnost/vospit_rab/aidisprofilaktika/136 (дата обращения: 9.01.2017).
6. Ображиев К.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: основные криминологические параметры // Правовая инициатива. 2015. № 2. URL: <http://xn--b1aiui.xn--p1ai/ru/2015/2/17> (дата обращения: 9.01.2017). DOI: 10.17413/2015-2-17
7. Поллак У. Настоящие мальчики. Как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве / Пер. Елены Жолниной. 2-е изд., испр. и доп. М. : Ресурс, 2014. 512 с.
8. Самоубийство. Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения (Сентябрь 2016 г.). URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru/> (дата обращения: 9.01.2017).

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ КАЗАКА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Алексей Викторович Большаков

Курсант Омского автобронетанкового инженерного института

Проблемы развития казачьей культуры являются актуальными в силу того, что общество и власть активно обратились к этому явлению. Естественно каждая из этих сил преследует в казачьем движении свои интересы: казаки чтобы обрести собственную идентичность, вернуть себе историческую память, власть – с целью обуздать, приручить стихию казачества, извлечь из этого свою выгоду. Для определенного числа соотечественников казачество является последним прибежищем традиционной культуры, где чтят предков, верят в Бога и готовы служить своему Малому Отечеству.

В силу сложившихся обстоятельств, чтобы восстановить казачество, прежде всего, надо начинать с воспитания подрастающего поколения. Переложить заветы предков на новый, современный лад, не искажая их исторический смысл. Для этого нужно проводить глубокое сопоставление с историей казачества, манерами воспитания казачат и саму суть современного казачества!

Что же касается воспитания казаков, то история не оставила нам написанных правил и форм воспитания. У казаков не имелось и четко написанных рекомендаций в воспитании подрастающего поколения. Основной жизни казачества была охрана рубежей российского государства. Нелегкий военно-земельный уклад жизни требовал от казаков быть всегда в постоянной, боевой готовности, хорошей физической форме, выносливыми, мужественными, нести одновременно тяготы военной и хозяйственной деятельности. Юноши воспитывались в строгих национальных рамках, где заветы отцов и дедов почитались, прежде всего, где слова отца воспринимались как священная истина.

С особой радостью встречали в казачьей семье рождение мальчика. Родился мальчик – прибыток, семья получает земельный надел, а девочка – убыток, разорительница. Первый раз ребенка клали на отцовскую рубаху на порог дома и отец в присутствии членов семьи или брал ребен-

ка, как признание отцовства, или перешагивал – отрицал. О выборе крёстных кровные родители заботились заранее. Крёстного подбирал отец – это должен быть человек надёжный, у которого было чему поучиться. Это он в первую очередь формировал дух казака. Немаловажный фактор было и то, что и крёстный отец и крёстная мать должны быть способны участвовать в воспитании ребёнка – жить недалеко от крестника. Крёстную подыскивала кровная мать из числа своих подруг желательно хотя бы немного старше её возраста. Если в семье родился казак, то основная нагрузка ложилась на крёстного – он делал из казака воина.

Главная же задача крёстной матери в этом случае состояла в том, чтобы сформировать в казаке отношение к девушке-казачке, как к жене, матери и хозяйке. Если же родилась казачка, то основную роль выполняла крёстная. Она формировала из девочки женщину-казачку, как умеющую ждать жену, терпеливую мать, добрую хозяйку, боевую подругу. Крёстный в данном случае формировал в казачке отношение к казаку, как к воину-защитнику, как к мужу, отцу и главе семьи.

После крестин казачку клали шашку, кинжал или пулю (раньше стрелу), что называется «на зубок». И наблюдали за его реакцией: если начнёт с ней играть – добрый будет казак, если же расплачется – есть над чем задуматься. Когда казачонку исполнялся годик его, на женской половине дома, усаживали на кошму, и крёстная срезала его первые пряди волос, которые потом всю жизнь хранились за именной иконой. Постриженного мальчишку женщины передавали взрослым мужчинам и те несли его к церкви. Там всех ждал неосёдланный конь. Казачонка сажали верхом на коня, на расстеленный шёлковый платок и гадали, как он будет себя вести, по малейшим приметам старались угадать судьбу будущего воина. Схватится за гриву – будет жив. Заплачет, повалится с коня – быть убитому.

Посвящение в казаки происходило в 3–4 года. Собиралась вся родня. Затем отец сажал сына на коня и даже давал в руки шашку. И проводил коня по двору кругом или по улице. Затем верхом везли казачонка в церковь, где служили молебен. С этого времени казачонок мог сам ездить верхом, а с пяти лет всю скакать по улице.

Чтобы понять и воспитать казака его сначала ставили в определённые условия, далее, смотрели на его реакцию, выявляли недостатки и достоинства, и уже потом начинали его корректировать и вырабатывать необходимые навыки и качества. При подобном подходе нарабатывалась и скорость мышления, и адекватная реакция на внезапно изменившуюся

обстановку и появление чего-то нового. Всё это постоянно ускорялось во времени. А таких «тестов-гаданий» было очень много. Были общепринятые, и были родовые. В каждом роду свои. Детям с рождения постоянно внушались идеалы строгой доброты и послушания, совестливости, справедливости, прилежания к труду. Воспитание трудолюбия, честной воинской службы, порядочности. С малых лет родители приучали детей рано вставать, самим одеваться, убирать постель, помогать по хозяйству, пришить пуговицу, поставить заплатку на одежде, забить молотком гвоздь в доску забора, спутать и зануздать лошадь. В труде вырабатывались сноровка, сообразительность, крепость мышц. С семилетнего возраста на казачат возлагали посильные работы – уход за домашней птицей, прополку сорняков, уборку во дворе и по дому.

Первые шаги в обучении и воспитании делались в семье. Вся система, если её можно так назвать, строилась именно на родовых и товарищеских принципах существования. Весь процесс развития казака строился по спирали. Каждый виток в ней – это замкнутый цикл, и занимал он определённый возрастной период. Следующий круг начинался с того же, но на новом качественном уровне. Каждый из этих уровней включал в себя физическое, интеллектуальное и нравственное (духовное) развитие. В зависимости от возраста одна из этих категорий была главенствующей, а остальные, как бы сопутствующие. До 7–8 лет казачек жил на женской половине дома – куреня. В этот момент воспитание шло и от женской части семьи и от мужской. В основе ее лежала наглядность, личный пример старших. На стене в курене шашка отцовская или дедовская. Нагайки у двери и в руках казаков. Лампасы, папахи, фуражки на близких ребенку людях. Кресты и медали на груди деда, отца, дядьки или крёстного. И, естественно, вопросы: что это и зачем это. И ответы старших на них: лампас – это символ казака, шашка – это наше казачье оружие и символ казачьей воли, конь – это друг и товарищ казака, кресты и медали – это отличие за участие и подвиги в военных компаниях.

С этого же времени казачонка начинали приглашать на «беседы». Основным моментом в воспитании казака в данный период являлось следующее: научить его справляться с собственным страхом в любых его проявлениях. И, наблюдая реакцию казачонка, старшие говорили: «Не бойся, казак ничего не боится!», «Терпи, казак, атаманом будешь!». Женщинам всё меньше позволяли сюсюкаться с ним: «Не портьте, бабы, казака!» И тогда в ребенке постепенно складывалось убеждение, что то, о чём поют и что говорят старшие, то они и делают, такие же поступки и совершают.

И это всё настоящее. И так же будет поступать он сам. Ну и, ко всему прочему, игры на улице со сверстниками. Игры были устоявшиеся веками, и естественно направленные на развитие казачат. Практически все они проходили под присмотром станичных, хуторских стариков, которые строго следили за поведением каждого из казачат. И в том случае, если кто-то вёл себя недостойно, старики вдохновенно наставляли и поправляли нерадивого. Как только ребенок начинал понимать, ему старшие давали почувствовать привлекательность добра и прививали отвращение к злу. Духовно-нравственное воспитание на основах православной церкви становилось обязательным фактором. Приобщение к религии и осмысление веры в казачьих семьях начиналось с раннего возраста. Дети в 5–6 лет обязаны были перед сном вместе с дедушкой, бабушкой, отцом, матерью, стоя на коленях перед иконами читать молитвы с обращением к Богу. Все это делалось постоянно, в результате чего у детей в казачьих семьях с малолетства вырабатывалась вера в Божьи законы, восприятие жизненных проблем, страх позора. Одновременно с этим детей учили отличать истинную правду от ложной, героическое от трусости, свободу от рабства. Казаки с ранней поры приучались к семейной жизни, уважению старших по возрасту. Почет к старшим и в особенности испытанным в боях воинам был обязанностью для молодого поколения. Молодежь не имела права садиться в присутствии стариков. Добрые семена воспитания уважения к старшим становились обязательным обрядом. Нарушений почтения и уважения к старикам-казакам в станицах не наблюдалось. В 7 лет казачка переселяли в мужскую половину куреня. Бритоголовым он впервые с мужчинами шел в баню, затем к исповеди. А дома в последний раз ел детские сладости. После этого переходил на мужскую половину, в комнату старших братьев. Они осматривали его одеяло и подушку и выбрасывали их, если оно оказывалось слишком теплыми и мягкими.

С этого времени начиналась подготовка ребенка к суровой мужской жизни. И еще: наступало время запрета ругать его женщинам. С 7 лет главная роль принадлежала крёстному. Именно он по большому счёту обучал ребенка казачьей науке. Но кровный отец был как бы руководителем этого процесса. Крёстный и кровный отцы как бы дополняли друг друга. Родной отец мог быть излишне мягок в отношении своего сына. Крёстный же мог быть излишне суров. Поэтому родной отец останавливал крёстного, когда дело могло принять опасный оборот, а крёстный не давал отцу жалеть сына. С семи лет начинали учить стрелять, рубить

шашкой с десяти. Сначала спускали тонкой струйкой воду и «ставили руку», чтобы клинок под правильным углом резал воду, не оставляя брызг. Потом учили «рубить лозу», сидя на коновязи, на бревне, и только потом на боевом коне, по-боевому, по-строевому осёдланном. В это же время учили рукопашному бою. Передавая особые, в каждом роду хранящиеся приёмы. С 12 лет казачонка начинали водить на круг – сход казаков и другие общественно значимые мероприятия. Его основная задача – смотреть и запоминать. В это же время учили правильно оценивать жизненную ситуацию. Казаки знали, что в каждом явлении, событии, происшествии заложены конфликты, поэтому молодое поколение обязано действовать так, чтобы во всем были лад и порядок. Конфликты могут быть не только семейными, но и при столкновении противоположных взглядов, стремлений, спорах, серьезных разногласиях. Такое положение дел учитывалось старшим поколением, и при воспитании казачат отмечалось, что все это зло и его следует избегать. С этой целью приводилось множество примеров из их семейного рода и тех предков, которые пользовались уважением всего станичного общества, учили быть похожими на них. В это же время учили жить своим умом и сочувствовать близким. Детям внушали, что себялюбие может привести к отрицательным жизненным ситуациям. Особенно зорко следили в каждом казачьем роду, чтобы ребенок не был заражен завистью.

Что же касается современного воспитания казачат, то оно тесно связано с прошлым и основу его составляет исторически сложившееся традиции и методы.

К процессу воспитания стала подключаться и система образования: центры дополнительного образования, казачьи лицеи, школы и клубы. Изучая это явление, можно заметить следующее: во-первых, многие из тех, кто работает с детьми в этом направлении, зачастую не представляют сути Казачьей Культуры, если не сказать больше – они ее попросту не знают, многие не понимают цели данных образовательно-воспитательных усилий, полагая что следуя программе и участвуя в открытых мероприятиях, таким образом, происходит реанимация традиционной Казачьей Культуры, или уже и то хорошо, что детей «можно отвлечь от улиц».

Однако, использование элементов традиционной культуры в современном воспитательном процессе обусловлено следующими соображениями: во-первых, традиционная культура является основой формирования этнического самосознания, когда в человеке воспитывается чувство

принадлежности к определенной этнической группе; во-вторых, традиционная культура казачества, являясь военизированной по своей сути, нацелена на воспитание мужчины-воина, защитника Отечества, с твердой гражданской, патриотической позицией; в-третьих, традиции воспитывают труженика, рачительного хозяина, человека ориентированного на церковные ценности относительно семьи, общества, на созидательный труд. Эти особенности являются основополагающими при реализации задач военно-патриотического воспитания подрастающего поколения. На учебных занятиях учащиеся должны заниматься изучением боевых традиций казачества, причем обучение должно строиться на живой передаче знаний, использовании основного принципа культурной трансмиссии «делай как я».

Учащиеся должны осваивать стихию пространства: они должны работать с пикой, шашкой, учиться стрелять, на вольную (что казаки называли бороться по-медвежьи), биться на кулаках.

Занятия должны сопровождаться изучением истории казачества (в качестве беседы перед или после окончания занятия), строевой подготовкой с разучиванием казачьих песен, изучением ритуала посвящения в казаки, с приглашением казачьей старшины, совета старейшин, родителей.

Целью подобных методов работы является воспитание этнического самосознания, разносторонне развитой личности, обладающей способностью постоять за себя, семью, Отечество. Реконструкция традиционных форм воспитания будет способствовать развитию патриотизма, военной выучки подрастающего поколения на основе традиционных форм вооружения, в дальнейшем на службе в армии, казаку не составит труда освоить приемы штыкового боя, если он обучен владеть пикой, приемам рукопашного боя, если он имеет навык кулачного схода и борьбы, шашечной рубки. Также следует учитывать, что подобное обучение накладывается на казака не голой техникой приемов и навыков, а культурной составляющей, имеющей отражение в фольклоре, праздничной культуре, традиционном православном мировоззрении. Из прошлого мы обязаны брать все самое лучшее, в этом наше отличие от людей, не помнящих родства. Так же, семейные традиции казаков воплотили в себе преемственность поколений, при этом они ритуально окрашивают события и моменты, а также содержат много элементов, которые направлены на воспитание в подрастающем поколении защитника Отечества.

Духовно-нравственные традиции казачества прошли множество этапов формирования, и на основе народного опыта воспитания казаков со-

хранило в себе характерные им ритуалы и обряды, сохранили основу, порядок действий и свойственные им ограничения. Поэтому перед нами предстает молодой казак, который стремится восстановить свои традиции, подарить им новую жизнь и внедрить их в современные условия, направленные на воспитания патриотизма и любви к своему Отечеству, Вере и Народу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумов Ю.Н. Воспитание подростков на традициях донского казачества конца XIX – начала XX веков : дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 186 с.
2. Аверин И.А. Казачество: история и современная этнополитическая ситуация // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М. : Моск. Центр Карнеги. Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 165.
3. Агафонов А.И. Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества: под ред. А.И. Козлова. Ростов н/Д, 1995. С. 15–19.
4. Гомзякова Н.Н., Коровин В.М. Возрождение казачества как фактор совершенствования системы подготовки молодежи к военной службе // Вестник Воронежского Военного института радиоэлектроники. 2004. Вып. 1, № 2. С. 18–21.
5. Зварницкий Д.И. История запорожских казаков // Собр. соч. : в 3 т. Киев : Наук. думка, 1990. Т. 1. 578 с.
6. Обычаи и традиции // Южнорусское реестровое казачество (войско низовое). URL: <http://zema.su/blog/yuzhnorusskoe-reestrovoye-kazachestvo-voisko-nizovoye>.

ОБРАЗ МАЛЬЧИШЕСТВА В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Андрей Александрович Дерр

Курсант Омского автобронетанкового инженерного института

Литература – это отражение социальной и психологической структуры общества, его настроений, ожиданий идеалов. Именно поэтому проще всего проследить изменение представлений общества именно через литературные произведения.

В литературе разных эпох и периодов через конкретные произведения можно проследить, как появлялись стереотипы, образы «идеальной» личности, или так называемого «героя нашего времени» – собирательные образы, обозначающие среднестатистическую личность, «человека времени», типичного члена общества для той или иной эпохи.

Тема нашей статьи – «Образ мальчишества в классической и современной отечественной литературе». Мы ограничили тему именно отечественной литературой, поскольку это значительно сужает диапазон анализируемого материала по количеству ярко выраженных эпох, но отнюдь не по их качественным характеристикам.

В качестве анализируемых эпох и периодов нами были выбраны наиболее яркие событийные вехи в истории русской литературы и русского общества:

- XIX век, или золотой век русской литературы;
- первая треть XX века (с 1900–1930-е годы), время потрясений и революций;
- 1941–1950 годы, период Великой Отечественной войны и послевоенные годы, особое время в истории русского общества и русской литературы;
- 1950-е – 1990 год, период устоявшейся советской литературы;
- и, наконец, период от 1990 года и до наших дней, относящийся к современной литературе.

Каждый мужчина от начала и до конца своей жизни проходит определенные стадии взросления и получения опыта: ребенок, юноша, мужчина, муж, отец... Рубежей много, однако это не отменяет того факта, что каж-

дый из них является этапом становления и развития личности мужчины. И период мальчишества в становлении личности играет далеко не последнюю роль.

Уже не ребенок, но и не полноценный подросток – именно такие ассоциации возникают у большинства людей со словом «мальчишка». «Мальчишка» в общем представлении – это ребенок в возрасте от восьми до тринадцати лет. Он подвижен, непоседлив, впитывает знания и умения как губка, стараясь подражать окружающим его взрослым. В литературе именно образ мальчишки является наиболее пластичным для закладки в него качеств, отражающих тенденции общества.

Чаще всего в этот образ закладываются желаемые качества, которые составляют некий «образец» – модель поведения и характеристики личности, которые «должны быть» у полноценного представителя общества, характерного для данной эпохи. Психологи называют совокупность таких качеств «маскулинностью» или «мужественностью» – склонность демонстрировать своими поступками полноценность себя как мужчины, пусть и очень маленького. Состав таких «мужских поступков» диктуется образом «настоящего мужчины», сложившимся у данного субъекта в условиях проживания в конкретном социуме [1].

Именно социум накладывает отпечаток на набор качеств, закладываемый в образ, и это диктуется потребностями (воспитательный аспект) или стереотипами (отражательный аспект) общества.

По словам Н.И. Беляева, «Чаще всего в литературе используется собирательный образ, отражающий общие черты целого – общества, сословия, эпохи. В то же время становление художественного образа является таким процессом развития мыслей, а вместе с ними, неотделимо от них – и чувств автора, в ходе которого возникают и проявляются новые возможности мировидения, позволяющие как ему самому, так и другим людям заметить в реальной жизни те ее черты и стороны, о существовании которых в иных обстоятельствах едва ли можно было догадаться» [2. С. 175].

Образ мальчишества в литературе, как уже было отмечено выше, может рассматриваться с двух сторон – как отражение действительности либо как элемент воспитания. Здесь необходимо отметить, что некоторые исследователи, исходя из данной позиции, все произведения разделяют на произведения о детях и для детей [3]. В первом случае образ получается наиболее приближенным к реальности, во втором же случае мы имеем дело с классическим собирательным образом мальчишки.

Чтобы наиболее полно проанализировать образ мальчишества в классической и современной литературе, необходимо не только знать сами произведения, но и отталкиваться также от социально-исторической ситуации, от эпохи, в которую было создано то или иное произведение.

Так, XIX век, если вспомнить историю российского государства, характеризуют свободомыслие и культурный подъем. Золотой век русской литературы – период который развивался в условиях наполеоновских и русско-турецких войн, восстания декабристов и отмены крепостного права. Основная масса литераторов того времени – дворяне, люди интеллигентные и образованные. Одним из наиболее известных произведений, в которых присутствует образ мальчишества, конечно же, является автобиографический роман-трилогия «Детство. Отрочество. Юность» Льва Николаевича Толстого. Главный герой «Детства», Николенька, воплощает в себе черты истинного православного дворянина. Черты, присущие Николеньке – уважение к старшим, любовь к родителям, послушание, любопытство и любовь к наукам, самодисциплина и открытый ум – всё то, чем должен был обладать настоящий патриот и дворянин прогрессивного общества XIX века. Однако вместе с тем читателю представляются другие черты, неизбежно сопровождающие взросление мальчика – неуверенность в себе, юношеский максимализм, порывистость суждений. Все эти черты создают образ утонченный, слишком серьезный для ребенка, характерный для первой половины XIX века.

Тот же Толстой в зрелые и поздние годы написал ряд рассказов для детей («Маленькие рассказы», «Филиппок»), где прослеживается совершенно иной образ. Герои этих произведений более «живые», характерные. Так, Филиппок, герой одноименного рассказа Толстого, пуглив, робок, но, тем не менее, очень любопытен и открыт знаниям: «Филиппок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал» [4]. Такими же представляются герои-мальчики из маленьких рассказов.

Традицию позднего Толстого в какой-то степени продолжает и Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Персонаж его сказки «Ванькины именины» – подвижный мальчик, «принимающий гостей» на своем празднике. Он, как может, старается подражать взрослым, быть хозяином в доме, вежливым и ответственным. Точно так же как и герои «Вертепа» Володя и Прошка – каждый из них повторяет поведенческую модель среды, в которой растёт: «Володя был настоящий барчонок. По-своему добрый, всегда веселый, увлекающийся и в достаточной мере бесхарактерный.

Прошка рядом с ним казался существом другой породы. Анну Ивановну это поражало, когда дети были вместе. Детские глаза Прошки смотрели уже совсем не по-детски; потом он точно не умел улыбаться. В тощей фигурке Прошки точно был скрыт какой-то затаенный упрек. Анне Ивановне иногда делалось даже немного совестно, – ведь она пригласила в первый раз Прошку только для того, чтобы показать Володе, что дети его возраста работают с утра до ночи. Прошка должен был служить живым и наглядным примером; а Володя должен был исправиться, глядя на него, от припадков своей барской лени» [5]. Здесь нам представлены сразу два собирательных образа мальчишек, разделенных социальной лестницей. Соответственно, представлены две поведенческие и психологические модели, каждая из которых представляет стереотипы общества конца XIX века: «настоящий барчонок» Володя – беззаботный, слегка ленивый, веселый, но бесхарактерный и слишком взрослый Прошка – замкнутый, но ответственный, работающий и серьезный. В этом противопоставлении уже чувствуются веяния времени – когда в конце XIX века обеспеченность постепенно начали ассоциировать с разложением личности и общества.

В начале XX века, когда на Российскую империю обрушились сначала Русско-японская и Первая мировая войны, а затем Октябрьская революция и Гражданская война, в обществе начались глобальные подвижки, и те идеалы и стереотипы, которые существовали, потеряли актуальность, на смену приходят более патриотические образы.

В литературе на первый план выходят писатели из «простых» – литераторы от народа. Соответственно, сообразно времени и изменениям в обществе, меняется и образ мальчишества в литературе. Появляется своеобразный «герой улицы» – мальчишка-оборванец, чаще всего сирота, с частичным образованием или вовсе без оно, живущий в атмосфере периодического насилия и ненависти. Таков, например, герой автобиографической повести Максима Горького «Детство» Алеша Пешков.

Герой в этот период сильный, озлобленный, боец или жертва. Кроме того герой этого времени не чурается воровства либо вымогательства, что прямо подталкивает читателя к образу мальчишки-беспризорника, голодного, злого и не поддающегося воспитанию, без идеалов и авторитетов. Эти образы очень хорошо раскрыты в произведении «Республика ШКИД», написанном в 1926 году Г. Белых и А. Пантелеевым: «Четырнадцати- и тринадцатилетние ребята, собранные с улицы, скоро спаялись и начали бузить, совершенно не замечая воспитателей» [6]. На наш взгляд, это произведение наиболее точно отражает стереотипный образ мальчи-

шества, характерный для смутного периода начала XX века. Одновременно с этим в литературе возникает другой образ мальчишества – назидательно-идеалистический, образ пионера, патриота, альтруиста – настоящего большевика. Этот образ несёт по большей части чисто воспитательный элемент, создавая идеальный образец гражданина и личности, достойного члена нового общества. Например, эта образная модель используется в повести А. Рыбакова «Кортик», где главный герой Миша – очень любопытный мальчик, который с легкостью ввязывается в опасные авантюры, всегда рад помочь и остановить происки врага, и вступить в отряд пионеров. Это показывает черты, характерные для мальчика первой трети XX века.

Отдельной категорией стоят образы мальчишества, да и детства вообще, созданные в военные и послевоенные годы – 1940–1950. Это тяжелое время, когда вся литературная деятельность была направлена на поддержку патриотического духа и патриотического воспитания страны. Чаще всего встречаются рассказы-были о мальчишках, воевавших против фашистов, об их подвигах и победах, иногда посмертных. Встречаются и чисто художественные произведения, например, рассказы «Маленький солдат» А. Платонова, «В старом танке» В. Железнякова, «Поход» А. Гайдара, «Бакенщик» и так далее. Главные черты образа мальчишки в этот период – храбрость, ответственность, стойкость, верность Родине – в общем, всё то, что отличает настоящего мужчину, воина и героя вне зависимости от его возраста. И не только на фронте, но и в тылу (герои повести А. Гайдара «Тимур и его команда»). Эта тенденция в литературе сохраняется примерно до 1950 года, когда заканчивается восстановление страны после войны.

Послевоенный советский период, период стабильности и застоя подарил отечественной литературе множество ярких писателей, таких как Виктор Астафьев, Фазиль Искандер, Валентин Распутин, а позднее Николая Носова, Эдуарда Успенского, Корнея Чуковского и многих других.

Множество мальчишеских образов, рожденных в данный период, отличаются неувлимым сочетанием простоты и беззаботности с не подлинно взрослым мышлением. Не последнюю роль в формировании такого сочетания сыграли отголоски прошедшей войны, еще не успевшие до конца стереться из памяти, освоение целины и повальная погоня за невыполнением планов пятилеток.

Мальчишки Астафьева, Искандера и Распутина – скупые на эмоции, слегка запуганные, недоедающие дети. Чаще живут в неполной семье –

только с матерью (Распутин «Уроки французского») или с другими родственниками (Астафьев «Конь с розовой гривой»). Они любопытны, им не чужды шалости, они как беззаботные дети ведутся «на слабо» и ввязываются в споры, однако вся «детскость» и несерьёзность этих героев скорее напускная, поскольку они по сути своей не знали настоящего беззаботного детства – уж слишком по-взрослому выглядят их рассуждения и некоторые поступки.

Позднее мы познакомились с Дядей Федором Успенского, Незнайкой Носова, мальчиком-неряхой из «Мойдодыра» Чуковского и многими другими персонажами. Эти писатели раскрыли образ мальчишки-сорванца – непослушного, озорного, не в меру деятельного ребенка, который сует свой нос во всё, что видит и шкодит без устали. Этот образ во многом воспитательного, а не жизненного характера, он призван в облегченной форме воспитать читателя и привить ему базовые морально-этические ценности вроде дружбы, верности, честности. По сравнению с жизненными образами, например, Распутина и Астафьева, этот образ более идеалистичен и «рафинирован», слишком детский. Собственно и рассчитаны данные произведения на аудиторию гораздо более юного возраста (6–8 лет).

Прежде чем переходить к анализу частотных и популярных мальчишеских образов последнего указанного нами периода (1990 – настоящее время), необходимо обрисовать общую сложившуюся ситуацию в литературе последних двадцати пяти лет.

После развала СССР в Россию хлынула не только западная культура, но и литература тоже. «Оголодавшее» население самой читающей страны мира с удовольствием начало осваивать весь поток литературы и литературного «мусора», в одно мгновение ставший из запретного доступным. К сожалению, в водовороте литературной вседозволенности русская словесная мысль стала терять свои позиции. И если в области «взрослой» серьезной литературы еще остаются писатели, продолжающие самобытные традиции русской литературы, то в области литературы для подростков на первый план уверенно вышли зарубежные произведения.

Ни один из нас с уверенностью не сможет назвать ни одного действительно известного современного писателя (после 1990 года), в произведениях которого встречаются яркие образы мальчишества. Главным образом, это происходит по нескольким причинам. Во-первых, до сих пор не потеряла своей актуальности мода на зарубежную литературу, в результате которой возникают произведения-подражания (например, цикл «Мефодий Буслаев» Дмитрия Емца). Во-вторых, общая тенденция попу-

лярной подростковой литературы, героями которой являются юноши, рассчитана на гораздо более взрослую аудиторию, поэтому герои – уже практически взрослые люди – школьники от 16–17 лет или студенты (например, цикл «Ремесло» А. Коша). Отличительной чертой такой литературы является жанр – чаще всего это фэнтези. В-третьих, книги, в которых встречаются действительно образы мальчишек (о возрастной категории мы говорили в начале статьи), чаще всего единичны, а их авторы непопулярны, а следовательно, не известны широкому читателю. Из последних мы можем назвать, например, роман-сказку омских писателей Т. Мокроусовой и В. Бердичевского «Болотный колдун» (1994 г.), роман «Слева от солнца» О. Райна (2008 г.).

Таким образом, из вышесказанного видно, что образ мальчишества в отечественной литературе выполняет двойную функцию. Воспитательную – как носитель качеств «правильного» человека и гражданина» и индикативную – являясь отражением стереотипов, традиций и представлений общества в определённый исторический период. Маскулинный образ мальчика в отечественной литературе имеет двойственный характер, образ мальчика-сорванца и баловня-интеллигента. Это является отражением глубокого социального дифференцирования российского общества на протяжении долгого времени. Отсюда следует, что образ мальчишества с течением времени изменялся сообразно целям и потребностям общества. Поэтому на сегодняшний день мы имеем богатую коллекцию литературы не только для воспитания подрастающего поколения, но и для изучения порядков общества прошедших эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маскулинность // Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. 2002. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-487-maskulinos.htm> (дата обращения: 02.10.2016).
2. Беляев Н.И. Образ человека в изобразительном искусстве: индивидуальное и типичное // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 7. С. 175–179.
3. Емец Д.А. Произведения для детей и о детях в творчестве русских писателей второй половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
4. Толстой Л.Н. Филиппок. М. : Дрофа-Плюс, 2003.
5. Мамин-Сибиряк Д.Н. Избранные произведения для детей. М. : Государственное издательство детской литературы, 1962.
6. Республика ШКИД / Г. Белых, А. Пантелеев. М. : Детская литература, 2013. 461 с.

ОКАЗАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ, ОКАЗАВШИМСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Максим Викторович Вольнов

Начальник психологической службы ГУФСИН России по Кемеровской области

Главной целью выработки данной программы было предотвращение и не допущение кризисных проявлений в поведении осужденных.

Перед нами стояли следующие задачи:

1. Выявление лиц попавших в кризисную ситуацию.
2. Выявление суицидальных признаков в поведении осужденных.
3. Оказание необходимой психокоррекционной помощи осужденным в кризисных ситуациях.

Объект: эмоциональное состояние осужденных, формы реагирования в жизненных психотравмирующих ситуациях.

Работа строится в 3 этапа:

- психодиагностическое обследование;
- психокоррекция эмоционального состояния, черт характера осужденного;
- психопросвещение.

В первую очередь для себя мы определили понятие «кризисная ситуация». Кризисная ситуация – это ситуация эмоционального и интеллектуального стресса, требующая значительного изменения представлений о мире и о себе за короткий промежуток времени. Подросток, находящийся в данной ситуации, не может оставаться прежним, ему не удастся осмыслить свой психотравмирующий опыт, оперируя знакомыми, шаблонными категориями и использовать привычные модели решения проблем. Кризисные ситуации следует воспринимать как предупреждение о том, что нужно что-то предпринять, пока не произошло нечто худшее.

Кризисы могут проявляться по-разному. Но любая система существует и функционирует только при наличии людей, входящих в структуру этой системы на разных уровнях. Кризис любой системы, прежде всего, связан с кризисом в сознании человека, который проявляется в невозможности дальнейшей эффективной жизнедеятельности в рамках преж-

ней модели поведения. Нельзя решить проблему с тем же сознанием, которое породило эту проблему.

В практической психологии выделяют следующие стадии развития кризисных ситуаций:

- первичный рост напряжения, стимулирующий привычные способы решения проблем;
- дальнейший рост напряжения в условиях изоляции, когда эти способы оказываются безрезультатными;
- еще большее увеличение напряжения, требующее мобилизации внешних и внутренних источников;
- если всё оказывается тщетным, наступает дезорганизация личности, повышается тревожность, депрессия, чувство беспомощности и безнадежности;
- негативные или позитивные изменения, ведущие к деградации или развитию индивида, проходящего через кризисные ситуации.

Что означает не разрешённая кризисная ситуация для человека? Прежде всего, то, что когда не удаётся решить проблемы своими силами и стандартные психологические методики не помогают, психическое напряжение возрастает до критического состояния. Осужденный находится на грани возможностей физического тела выдерживать такое напряжение. Долго находиться в таком положении нельзя, так как в этом состоянии включаются программы самоуничтожения на психогенетическом уровне.

Не важно, какие и как – через болезни или ещё что-то. Важно то, что включившись, эти программы начинают формировать негативные разрушающие психические энергии в самом человеке на физическом уровне. Более того – эти программы начинают формировать негативные ситуации в событийном поле человека на ментальном уровне. При таком развитии кризисных ситуаций нужна экстренная психологическая помощь.

Наша психологическая помощь в кризисных ситуациях направлена на решение срочных и затянувшихся жизненно важных проблем - психические травмы, конфликты, семейные ссоры, сложные взаимоотношения в отряде, негативные внутренние состояния, болезненные переживания, запутанные ситуации и т.д. Кроме этого мы работаем по нестандартным кризисным ситуациям. Эти ситуации всегда сугубо индивидуальные и рассматриваются только в ходе психологической консультации. Первоначально проводится работа по успокоению ситуации, затем по стабилизации и полному разрешению проблемы. Наша психологическая помощь позволяет

выполнить эту сложную работу и дает осужденному возможность использовать кризисные ситуации для дальнейшего совершенствования.

Важное место в профилактике кризисных ситуаций занимает своевременная психодиагностика и постановка на учет у психиатра осужденных, обнаруживающих психические аномалии и психоневрологическую патологию. Тщательному медицинскому обследованию должны подвергаться лица, неустойчивые в психическом отношении, имеющие признаки дезадаптации, невротические расстройства, отклонения в поведении. Однако на профилактический учет ставятся в основном осужденные с явными признаками психических отклонений, а лица с пограничными расстройствами (психики, акцентуации характера, невротические и депрессивные состояния) остаются вне поля зрения психиатров. В то же время именно осужденные с подобными аномалиями наиболее подвержены различного рода внешним воздействиям, возникновению реактивных состояний, склонны к развитию суицидальных тенденций. Диагностика суицидального риска является определенным моментом в психологической профилактике суицида у осужденного и своевременности постановки его на профилактический учет данной категории лиц с целью постоянного психолого-психиатрического сопровождения и их коррекции состояния.

Психолог может также использовать дополнительный диагностический инструментарий, который позволит расширить его представления о несовершеннолетнем осужденном и создать более полный психологический портрет, для этого могут использоваться любые полупроективные техники и стандартизированные опросники.

Первичная диагностика проводится за день до начала занятий, вторичная диагностика проводится через день после заключительного занятия. Сравнительный анализ этих данных позволит психологу оценить эффективность проводимой психокоррекционной работы, и проследить динамику личностных изменений.

Особенности психопрофилактической работы психолога заключаются, прежде всего, в умении организовать учет и динамическое наблюдение за группой «риска», к которой относятся осужденные, склонные к неадекватному поведению, дезадаптации, входящие в разряд «униженных», подверженные депрессивно-невротическим реакциям, членовредительству. Психологу необходимо знать индивидуальные особенности личности, имеющие суицидальную направленность. Кризисное состояние характеризуется интенсивными отрицательными эмоциями: чувством

беспокойства, тревоги, фиксации на психотравмирующей ситуации, переживанием собственной беспомощности, несостоятельности, одиночества, пессимистической оценки собственной личности и будущего. Суицидальные кризисы могут сопровождаться проявлением агрессии и аутоагрессии. Возникает стойкое снижение самооценки личности, преобладание эмоций отрицательного характера, формирование представлений о собственной малоценности. Психологический кризис может нарастать постепенно, с накоплением, отрицательных эмоций, переживанием и переработкой конфликтных ситуаций.

Приведем один из примеров:

В беседе с испытуемым А выявлено: проживал то с матерью, то с бабушкой по материнской линии. Отца он не знает, мать сожительствовала с различными мужчинами (пыталась устроить личную жизнь). Имеет 2 братьев, которые находятся в детском доме. За время нахождения на свободе вел беспорядочный образ жизни. Ранее судим условно по 158. 2 ст. на 6 месяцев л/с. Курит с 6 лет, имеет опыт употребления ПАВ. Обеспокоен тем, что он не нужен своим родителям.

На момент поступления в колонию находился в состоянии психологического кризиса, в остром эмоциональном состоянии. Был замкнут. На контакт шел с трудом. В высказываниях улавливалось сосредоточение на «непреодолимых» трудностях в жизни, снижение самооценки, «неприятие самого себя».

В период нахождения в СИЗО и ВК неоднократно нарушал режим содержания, у несовершеннолетних не пользуется авторитетом, но криминальная зараженность не выражена. В целом эмоциональная сфера неустойчивая с преобладанием пониженного фона настроения.

В первичном психодиагностическом обследовании с несовершеннолетним были использованы следующие методики: собеседование, опросник Смишека, КИЛЮ, ОСР, проективные: Сонди, Люшера, «Дом», «Дерево», «Человек».

На момент обследования выявлены следующие личностные особенности: высокая эмоциональная неустойчивость, выражается в плохой адаптации, склонности к быстрой смене настроения, депрессивных реакциях, рассеянности внимания, неустойчивость в стрессовых ситуациях. Стремление быть в центре внимания, поиск признания и добывается этого косвенным путем, настойчивыми действиями. Эгоцентричность. Повышенная чувствительность к критике. Склонен к противодействию

внешнему давлению, ориентация на собственное мнение, а ещё больше на побуждение. В лично значимых ситуациях он может проявлять неспособность организовать поведение в соответствии с общественным мнением, интересами и целями делает его поступки плохо предсказуемыми. С этим связано и неумение планировать будущие намерения и неумение прогнозировать последствия своих действий. Склонен к разбрасыванию декларативных заявлений. Конфликтный, раздражительный, импульсивный, действия случайны, не продуманы и зависят от настроения. Потребность в избавлении от непереносимой ситуации может спровоцировать на необдуманные импульсивные поступки аутоагрессивного характера. Склонен к аутодеструктивным поступкам демонстративного характера. Так же имеет место склонность к нарушению режима содержания.

По заключению врача – психиатра воспитанник А. являлся психически здоровым, но попадая в острую психотравмирующую ситуацию, выхода из нее не видит.

Психологом было спланировано индивидуальное психологическое сопровождение с целью постоянного контроля за психоэмоциональным состоянием, а так же профилактическая и психокоррекционная работа, которая заключалась в изменении отношения к сложившейся ситуации.

На первом этапе происходило установление эмоционального контакта, взаимоотношений «сопереживающего партнерства». Использовались такие психологические приемы, как «сопереживание», «эмпатическое выслушивание». Необходимо было, чтобы человек почувствовал интерес к себе как к личности. Для этого разговор касался его чувств.

На втором этапе была установлена последовательность событий, которые привели к кризису, снято ощущение безысходности ситуации с использованием приема «преодоления исключительности ситуации». На этом этапе было важно снять у подростка ощущение безвыходности ситуации. Здесь переубеждение и поддержка была направлена на освобождение от ощущения своей ненормальности, некоей изолированности. Подростка убеждали в том, что подобные ситуации возникают и у других людей, что положение вполне поправимо. Сознание того, что он не единственный, кто страдает от подобного рода проблем или кого на части разрывают его противоречивые желания, может ослабить чувство вины или снизить тревожность индивида. Дополнительно использовались дыхательные техники, релаксационные упражнения, приёмы АРТ-терапии.

На следующем этапе совместно с воспитанником были выявлены актуальные смыслы и ценности жизни, сформулированы планы на буду-

щее, совместное планирование действий по преодолению кризисной ситуации и поиску вариантов выхода и разрешения ситуации. Работа строилась по следующим направлениям:

- на основе анализа прошлой жизни, положительных сторон личности воспитанника формировалось положительное отношение к себе;
- переключение внимания с проблемы на другие ценности, имеющие позитивное значение (отношение с родственниками, перспектива снятия обвинения, планы на будущее);
- определение ближайших целей и конкретных мероприятий по их достижению.

Если на первых этапах работы возникали сложности в активности участия воспитанника А., психологу приходилось прилагать значительные усилия, для его мотивации к работе с психологом, то уже на этом этапе обвиняемый занял активную позицию, пытаясь сам разобраться, что с ним было, что происходит сейчас и что с ним будет в будущем.

Стремление разобраться в себе заключалось в попытке дать ответ на такие вопросы как, например:

- Верю ли я, что человек нуждается в ком-то или в чем-то для того чтобы жить?
- Почему я так думаю?
- Есть ли в моей жизни что-то или кто-то, ради чего стоит жить?
- Если да, то что (кто) это и почему?
- Если им это не нужно, то что я делаю в этой ситуации?
- Какие в жизни есть другие вещи, которые обычно имеют значение для людей?
- Чего я хочу достичь в этой жизни?
- Что я хочу для этого сделать? и т.д.

На последнем этапе окончательно формулируется решение, активная психологическая поддержка и придание несовершеннолетнему уверенности в своих силах и возможности дальнейших перспектив. Особый интерес представляют ответы на вопросы существования человека как личности: «Кто я?», «Для чего я существую?», «Каково мое будущее?».

Наша задача заключалась в том, чтобы помочь подростку адекватно решить проблемы адаптации к условиям изоляции, проблемы развития, помочь определять, осознавать, формулировать и обсуждать свои личные цели, планировать свое будущее, помочь подростку в том, чтобы он смог безболезненно и эффективно справляться с теми переменами, которые с ним происходят.

После завершения психокоррекционной работы была проведена повторная диагностика на определение эмоционально-психического состояния, которая показала, что произошли изменения в сторону улучшения эмоциональной сферы и поведения. Пессимистическая установка на будущее сменилась на оптимистическую. Снизилась ситуативная тревожность, сгладились черты эгоцентризма. Повторных высказываний о суициде не было.

Риски при работе:

1. Трудность, возникающая в психокоррекции черт характера, вызванная наличием в прошлом суицидальных попыток осужденных, и у их родственников;

2. Трудность, вызванная условиями семейного воспитания («матриархальный» стиль отношений в семье, воспитание в семье с «алкогольным» климатом, в семье имеются психические больные).

Для внедрения настоящего опыта дополнительных материальных затрат и проведения дополнительных мероприятий не требуется.

ВЛИЯНИЕ МОДЫ НА «НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНУ»

Станислав Васильевич Ромахин

Студент 3-го курса Философского факультета НИ ТГУ

Для начала, необходимо определить, кто такой этот «настоящий» мужчина. До XX века мужское и женское обозначались как полностью противоположные характеристики. Ещё в античности была введена дихотомия природы, как женского начала, и культуры, как мужского начала. Эта дихотомия вполне соответствовала традиционным бинарным оппозициям: земля/небо, солнце/луна, активность/пассивность и многое другое. Поскольку ключевые элементы данных оппозиций никогда не мыслятся как равнозначные, мужские черты обозначаются как первичные и доминирующие, женские – как вторичные и подчиненные. Мужчина воспринимался как человек, носитель истинных черт, женщина же как, пользуясь терминологией Симоны де Бовуар, «Другой». Она является не вполне человеком, а иногда и прямо обозначалась как враг, который разращает мужчину.

Вообще понятие мужественности носит исторический характер, в противовес прежней теории, которая утверждает, что мужское имеет трансцендентальную основу. Его историчность дает нам некие надежды, а не покорное следование. В период индустриализации, ещё раньше буржуазных революций, колониализма, к термину «мужчина» стало добавляться понятие «настоящий».

Мы не каждого мужчину можем назвать «настоящим». В 70-х годах XX века американский психолог Роберт Брэннон сформулировал четыре основные правила императива мужественности: «1. “Без бабства” – мужчина должен избегать всего женского; 2. “Большой босс” – мужчина должен добиваться успеха и опережать других мужчин; 3. “Крепкий дуб” – мужчина должен быть сильным и не проявлять слабость; 4. “Задай им жару” – мужчина должен быть крутым и не бояться насилия» [3. С. 75–76].

Социолог Эрвин Гоффман писал, что в Америке существует лишь «один совершенный и не стыдящийся себя мужчина: молодой, женатый, белый горожанин, гетеросексуал с севера, протестант, отец, получивший образование в колледже, полностью занятый, хорошего телосложения, сильный и высокий, недавний обладатель спортивных достижений. Каж-

дый американский мужчина стремится смотреть на мир с такой точки зрения... Любой, кому не удастся квалифицировать себя через какой-нибудь из этих признаков, вероятно, считает себя... недостойным, несовершенным и худшим» [5. С. 128].

В России в этом плане все намного сложнее. Мы не можем говорить, какая вера должна быть ему присуща. Средний класс для России тоже очень запутанное понятие. Но даже при всех отличиях мы можем сказать, что эти черты имеют большое сходство.

Нам снова нужно обратиться к словам Симоны Де Бовуар «женщиной не рождаются», только теперь мы должны применить это к мальчикам. С рождения они понимают, что им ещё предстоит стать «настоящими» мужчинами. Как правильно заметила Сандра Бем, «гендерная поляризация настолько энергично расширяет понимание того, что значит быть мужчиной или что значит быть женщиной, что вследствие этого возникла парадоксальная культурная идея, согласно которой «настоящий» мужчина и «настоящая» женщина существенно отличается от просто биологического мужчины и биологической женщины. Эта парадоксальная идея, в свою очередь, приводит к тому, что мужчины и женщины слишком глубоко проникаются чувством, что женственность или мужественность – это не просто дар природы; чтобы выглядеть по-настоящему мужественным или женственной, надо этого добиваться, работать над собой и не портить своего имиджа «неправильным» поведением» [2]. То есть только лишь конструирование гендера обществом недостаточно, нужно применять ещё и собственные усилия.

Понятие Моды

Переходя к рассмотрению феномена моды, нам снова стоит определить, что же такое мода. На сегодняшний день мода играет важную роль в жизни как женщин, так и мужчин. Современная мода оказывает большое влияние на систему ценностей современного мира.

Современную моду можно рассмотреть в двух аспектах: 1) в узком смысле, мода – как модная одежда. Быть модным, значит, правильно одеваться. 2) В широком смысле, когда модным становится не только атрибут одежды, но и другое: место проживания, аксессуары, дома, литература, кинематограф, а так же модными являются идеи, программы, слова, манера разговора, и даже идеология. «Рассматривая моду как феномен культуры, важно подчеркнуть, что понятие «моды» в широком смысле

обычно означает существующее в определённый хронологический период и общепризнанное на данном этапе отношение к внешним формам культуры» [1. С. 150].

Мода и «настоящий мужчина»

Современные философы начинают говорить о моде в эпоху постмодерна. Новая мода стала глобальной и индивидуальной одновременно. После появления постмодернистской моды, нужно задаться вопросом, повлияла ли она на современного мужчину, если да, то как?

Мода повлияла на появление множества различных типов мужчин. Приведу в пример некоторых из них. В связи с появлением постмодернистской моды, типологизация практически стала невозможной, так как на одно явление появляется другое переформатированное, а на это явление появляется ещё одно и так до бесконечности. Но есть более общие характеристики, их и приведём в пример. Первый тип – метросексуал, молодой человек с приличным доходом, живущий в столице. Независимо от сексуальной ориентации, в первую очередь, его характеризует любовь к самому себе. Второй тип техносексуал, его можно описать как человека, отдающего предпочтение технике, науке, но он не интересуется своим или противоположным полом, так как изначально не социализировался, ушел от реальности. Этот тип не нужно путать с асексуалами или аромантиками. Третий типаж – стандартный мужчина. Он близок к понятию прежнего «настоящего», но уже под давлением современного общества, он более утонченный, проявляет большую заботу, чувственный, но при этом осознающий своё привилегированное положение. Такие мужчины не отрицают значимости женщины в обществе, они не являются умышленно сторонниками патриархата, но при этом, существуя в культуре патриархата, они бессознательно следуют его фундаментальным установкам.

Наиболее интересным представляется «стандартный мужчина», так как он является прямым наследником патриархального мужчины.

Проследить влияние моды на этого нового мужчину можно, опираясь на понятие «унисекс».

«Стиль унисекс представлял из себя вызов устоявшейся модели классовой дифференциации и гендерной дискриминации. Появление одежды традиционно не являвшихся специфически «мужскими» или «женскими», так и появление в мужской моде тканей, расцветок и рисунков, которые считались типично женскими — и наоборот» [4. С. 30].

Стиль унисекс, несомненно, играет важную роль, однако, неверно было бы утверждать, что появление этого стиля привело к нивелированию гендерной стратификации в моде. Категории мужской и женской одежды по-прежнему остаются актуальными: эти термины до сих пор используются в самых разных сферах (в школах, в описаниях дизайнерских решений, в производственном процессе, в магазинах), невзирая на то, что их содержание и характер взаимоотношений меняются со временем. По моим представлениям, точнее было бы говорить не о разрушении системы гендерной дифференциации как таковой, а о размывании границ гендерных категорий и наполнении их новым смыслом.

Проблема «унисекса»

- 1) Одежда продолжает быть мужской и женской.
- 2) Новая женская коллекция, например, может включать основной мужской атрибут одежды, к которому прилагается женский атрибут. Однако обратная логика невозможна – нельзя взять основной женский атрибут и к нему приложить мужскую часть. Мужская же коллекция унисекс является только ново созданной одеждой, без гендерной определённости.

Вывод

Завершая, я могу предположить, что современная постмодернистская мода, не является на данный момент способом борьбы с патриархатом, то же самое характерно и для понятия «унисекс». Мода, как продукт массового потребления, и я настаиваю именно на таком понимании, если и не является способом борьбы с патриархатом, то все-таки содержит тенденции, которые потом переносятся из подсознательного в сознательное осмысление. Благодаря моде мы можем видеть, в какую сторону, возможно, будет меняться общество.

Что же касается мальчишества, то мы еще раз должны зафиксировать, что возникает определённая проблема. Мальчикам теперь, когда стандарты размываются, но сохраняется конструкт «настоящего» мужчины, приходится каждый раз с трудом отыскивать те новые тенденции, которые не противоречат патриархальному конструкту и не приводят к наказанию со стороны общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Г.С., Родионова Д.Д. Мода и гендер в эпоху постмодерна. Кемерово : Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2006. 204 с.
2. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 336 с.
3. Кон И. С. Сексуальное образование – глобальная задача 21 века // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 1. С. 94–114.
4. Теория моды. Одежда. Тело. Культура. № 22 (зима 2011–2012). М. : Новое литературное обозрение, 2012. 376 с.
5. Goffman E. Stigma. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1963. P. 128.

Издание подготовлено в авторской редакции

Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета

Заказ № 2336 от «17» января 2017 г. Тираж 20 экз.